

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОТДЕЛЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА
СОВЕТСКИЙ КОМИТЕТ ТЮРКОЛОГОВ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

TURCOLOGICA

*К семидесятилетию
академика
А. Н. КОНОНОВА*

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ЛЕНИНГРАД · 1976

О ПАССИВНОМ ЗНАЧЕНИИ КАУЗАТИВНЫХ ГЛАГОЛОВ

В целом ряде алтайских языков каузативные формы глагола могут участвовать в выражении пассивных отношений. Вот как, например, это явление описывается в «Грамматике тувинского языка» «... понудительный залог имеет следующие основные значения: 1) понудительное — 'заставлять делать что-либо', 2) страдательное — 'подвергаться какому-либо действию, допустить сделать что-либо с собой'... Смысловую схему предложения с глаголом в понудительном залоге можно представить так: „Предмет А заставляет (побуждает) предмет Б сделать что-то с предметом В“. Данная схема подходит и для второго (страдательного) значения понудительного залога. Это частный случай приведенной выше общей схемы: „Предмет А заставляет (побуждает) предмет Б что-то сделать с ним (с предметом А)“, т. е. „предмет А подвергается данному действию со стороны предмета Б“». ¹

Аналогичная особенность каузативных форм отмечена в грамматиках алтайского, ² хакасского, ³ каракалпакского, ⁴ а также бурятского ⁵ и маньчжурского ⁶ языков.

Процитированные и упомянутые выше аналогичные в целом описания вызывают некоторые возражения. Дело в том, что русские лексические эквиваленты, совпадающие, кстати, почти дословно у всех авторов, упоминающих о страдательном или пассивном значении каузативов, неточно раскрывают грамматическое значение рассматриваемых форм.

Для доказательства сказанного разберем несколько типичных примеров. ⁷

1) *Атахпын ыкка ытыртардым* 'Собака укусила мне ногу' [букв.: 'Я позволил (допустил) укусить мою ногу собаке'; *атах-п-ын* 'ногу-мою- (вин. пад.)'; *ык-ка* 'собака- (дат. пад.)'; *ытыр-тар-дым* 'укусить- (кауз. афф.)-(афф. прош. вр. 1 л. ед. ч.)'].

2) *Ямаанайнгаа һуул шонодо абхуулаци* 'Ты дал волку откусить хвост твоей козы' [*ямаан-ай-нга* 'коза- (род. пад.)-(афф. возвр. притяж.)'; *һуул* 'хвост'; *шоно-до* 'волк- (дат. пад.)'; *аб-хуул-аа-ш* 'оторвать- (кауз. афф.)-(афф. прош. вр.)-(2 л. ед. ч.)'].

3) *Кубах сохсого батталныт* 'Заяц придавлен плашкой' [букв. 'Заяц плашке позволил (допустил) придавить (себя)'; *сохсо-го* 'плашка-(дат. пад.)'; *батта-н-ныт* 'придавить-(кауз. афф.: -т- перед согласным $n > -n$)-(афф. перфекта)'].

4) *Тэрэ муу шолмодоо мэхэлүүлжэ, табан зуун алтан зоосо алдабаа* 'Будучи обманут тем противным чертом, я потерял пятьсот золотых монет' [букв.: 'Тому плохому черту дав (допустив) обмануть (себя)...'; *шолмо-доо* 'черт-(дат. пад. с возвр. притяж.)'; *мэхэл-үүл-жэ* 'обманывать-(кауз. афф.)-(афф. соединит. деепр.)'].

Первую (и, с соответствующими изменениями, вторую) фразу вне реальной ситуации можно понимать по-разному:

а) 'Я (нарочно) заставил (принудил и т. д.) собаку (с какой-л. целью) укусить мою ногу';

б) 'Я (неволью, по оплошности) допустил то, что собака укусила мне ногу';

в) 'Я (сознательно) позволил (допустил), чтобы собака укусила мне ногу'.

Возможность различных значений одного и того же предложения создается благодаря разному семантическому «наполнению» соотношения членов одной и той же грамматической конструкции:

а) N_1 (субъект действия) — инициатор действия; N_2 (реальный исполнитель или агент) — противится действию; из данного соотношения N_1 и N_2 создается значение «понуждения» связывающего их каузативного глагола, которое и обозначим термином собственно-каузативное или фактитивное значение каузатива;

б) N_1 — не является инициатором, N_2 — инициатор осуществления действия; при таком соотношении N_1 и N_2 у каузативного глагола — значение «невольного допущения» или инволитивно-пермиссивное;

в) N_1 — инициатор действия, N_2 — не противится осуществлению действия; при таком соотношении N_1 и N_2 у каузативного глагола — значение «сознательного допущения» или волитивно-пермиссивное.

Таким образом, указанные значения конституируются различным соотношением по признаку активности/инактивности субъекта и агенса действия: в случае *а* субъект активен, агент инактивен (повелевают, заставляют и т. п. против воли агенса);⁸ в случае *б* субъект инактивен, агент активен; в случае *в* активны субъект и агент.

Реализация той или иной возможности (значений *а*, *б* или *в*) зависит от речевого замысла, и экспликация этого замысла не обязательно может находить выражение в контексте. Во фразах с глаголами негативного действия⁹ наиболее часто реализуемым и наиболее ожидаемым является значение инволитивно-пермиссивное, что не дает, впрочем, права при грамматическом описании конструкции забывать об остальных менее типичных ее значениях.

Обращаясь к анализу примеров 3 и 4, укажем, что данные конструкции отличаются от 1 и 2 эллипсисом: За. 'Заяц плашке

[себя] дал (невольно допустил) придавить'; следовательно $3 < *3a$, $4 < *4a$. Конструкции 1, 2 и 3а, 4а однотипны и различаются лишь лексическим наполнением объекта: в 3а и 4а объект — это субъект, представленный возвратным местоимением; в 1 и 2 объект является либо частью субъекта, как в 1, либо принадлежит ему — в 2.

Как и в конструкциях 1 и 2, так и в 3а и 4а, при любых, в том числе и негативных, глаголах возможна любая из реализаций *a*, *b* или *в*, но в случае эллипсиса рефлексива при негативном глаголе, т. е. в 3 и 4, устойчиво закрепившейся реализацией является *b* (инволитивно-пермиссивное значение), и, наоборот, сохранение рефлексива при негативном глаголе будет скорее сигналом реализации *a* или *в*.

Таким образом, близкое к пассивному значение в конструкции с каузативным глаголом возникает в частном ее случае, когда, во-первых, субъект равен объекту, во-вторых, этот объект, равный субъекту, испытывает неприятное отрицательное воздействие, в-третьих, формально объект эллидирован из высказывания.

Частичная (в 1 и 2) или полная (в 3а и 4а) однореферентность объекта и субъекта действия фактически наполняют эту конструкцию рефлексивным содержанием.¹⁰ Направленность действия (от субъекта вовне, извне на субъект и т. д.) является центральным моментом в определении залога.¹¹ В рассматриваемых случаях действие исходит от субъекта (во всяком случае, при реализациях *a* и *в*) и затем вновь возвращается на субъект, что и характеризует рефлексивное значение. Когда рефлексивное значение находит морфологическое выражение в глаголе, то говорят о наличии возвратного залога. В отличие от собственно-рефлексивной конструкции с глаголом в возвратном залоге конструкция каузативно-рефлексивная содержит указание на то, что субъект не является агентом — исполнителем действия, что агент кто-то или что-то другое. В этом отношении указанная конструкция сходна с пассивной, поскольку в обеих субъект подвергается действию со стороны агенса. Однако каузативная форма глагола поддерживает иллюзию инициации действия со стороны субъекта (субъект как бы «сам виноват» за то, что с ним произошло), тогда как в пассивной конструкции в качестве инициатора действия мыслится только агент. Вот почему в каузативно-рефлексивной конструкции возможен неодушевленный агент, тогда как в собственно-пассивной конструкции агент должен быть одушевленным, а неодушевленным он может быть в случае, если его действие обеспечено одушевленным предметом, либо при метафорическом переосмыслении. В русском переводе указанные оттенки значения — семантические ингредиенты каузативной формы — не могут быть выражены достаточно экономно и гладко, поэтому подобного рода фразы (3 и 4) по-русски, собственно говоря, не переводятся, а перерабатываются в возможно более близкий смысловой эквивалент.

Выражение пермиссивного значения каузативными формами глагола можно признать продуктивным явлением только для некоторых алтайских языков, в частности для тувинского, монгольского, бурятского, маньчжурского и некоторых других. В абсолютном большинстве языков сохранились лишь следы подобного явления в виде залексикализовавшихся и потому полностью принадлежащих словарю значений ограниченного числа каузативных глаголов. Однако и в языках, сохраняющих продуктивность пермиссивного значения, частный его вид — инволитивно-пермиссивное значение все же, по-видимому, непродуктивно, кроме маньчжурского языка, где, судя по описанию, оно реализуется достаточно широко.¹² Следует заметить, что вопрос о степени продуктивности обоих подвидов пермиссивного значения нуждается в дополнительном изучении по текстам и в живой речи.

Обращение к описанному непродуктивному (или близкому к этому, как мы думаем, в ряде случаев) явлению глагольной морфологии имеет важное значение для сравнительно-исторических построений. Пермиссивное значение в его двух подвидах занимает, как мы видели, промежуточное положение по отношению к пассивному и каузативному, почему в литературе издавна указывается на связь пассива и каузатива.¹³ Некоторые пассивные и каузативные показатели могут быть генетически отождествлены в отдельных алтайских ветвях уже в реконструкциях позднего праязыкового состояния: для общетунгусо-маньчжурского это *-б-/-п-, отразившийся в пассивном -б-/-п- и каузативных -вкан-, -в-, -ван-, -буван-;¹⁴ для общемонгольского это *-г-/-к- в пассивном -гда- и каузативных -га-, -лга-, -гул-; для общетюркского это *-к-, сохранившийся в немногочисленных глаголах то как показатель интенсификации, то как показатель медиопассива, то как показатель пассива.¹⁵ При восстановлении более ранних состояний в ветвях и при попытке реконструкции гипотетического алтайского уровня открывается заманчивая, хотя и опасная, перспектива сопоставления «накрест»: например, тюркского пассива -л- и монгольского каузатива -л- и т. д. Однако необходимо помнить и о втором пути возникновения пассива, а именно из безлично-медиальных показателей. Для проверки подобных версий нужна еще углубленная проработка материала в рамках автономных реконструкций.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Исхаков Ф. Г., Пальмбаха А. А. Грамматика тувинского языка. Фонетика и морфология. М., 1961, с. 274.

² «Грамматика алтайского языка, составлена членами алтайской миссии». Казань, 1869, с. 51—52.

³ Дыренкова Н. П. Грамматика хакасского языка. Фонетика и морфология. Абакан, 1948, с. 69.

⁴ Баскаков Н. А. Каракалпакский язык, т. II, ч. 1. Фонетика и морфология. М., 1952, с. 341—342.

⁵ «Грамматика бурятского языка. Фонетика и морфология». М., 1962, с. 202 и сл.; см. также: Са н ж е е в Г. Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. Глагол. М., 1963, с. 20.

⁶ За х а р о в И. Грамматика маньчжурского языка. СПб., 1879, с. 160—162.

⁷ Примеры заимствованы: 2 и 4 — из упоминавшейся «Грамматики бурятского языка», с. 214—215; 1 и 3 — из кн.: Х а р и т о н о в Л. Н. Залоговые формы глагола в якутском языке. М.—Л., 1963, с. 64. Здесь и далее орфография и переводы заимствованных примеров сохраняются.

⁸ Не д я л к о в В. П. Каузативные конструкции в немецком языке. Аналитический каузатив. Л., 1971, с. 15—19 (далее сокращенно: Не д я л к о в).

⁹ Не д я л к о в, с. 90, 168—169; Л е т я г и н а Н. И., Н а с и л о в Д. М. Пассив в тувинском языке. — СТ, 1974, № 1, с. 21—22.

¹⁰ Не д я л к о в, с. 10, 30, 60—61, 85—89 и сл.

¹¹ М. М. Г у х м а н определяет «смысловую структуру» залоговой оппозиции как характеризующуюся «противопоставлением направления процесса: центробежность/центростремительность» (Г у х м а н М. М. Развитие залоговых противопоставлений в германских языках. М., 1964, с. 8). Э. В. Се-в о р т я н, учитывая систему залогов тюркских языков, определяет содержание категории залога более общо, как «отношение действия к грамматическому субъекту» (С е в о р т я н Э. В. Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке. М., 1962, с. 455—456).

¹² За х а р о в И. Грамматика маньчжурского языка. СПб., 1879, с. 161.

¹³ Не д я л к о в, с. 161 и сл.

¹⁴ К о р м у ш и н И. В. Категория каузатива в алтайских языках. АКД., Л., 1968, с. 10—12.

¹⁵ К о н о н о в А. Н. [Рец. на кн.:] А. М. Щербак. Огуз-наме. Му-хаббат-наме. Щ е р б а к А. М.: 1) Грамматический очерк языка тюркских текстов X—XIII вв. из Восточного Туркестана. — ВЯ, 1963, № 5, с. 138; 2) Актуальные тюркологические заметки. — СТ, 1975, № 2, с. 83.